

МУХАММЕД ШУКРИ

Голый хлеб

РОМАН-АВТОБИОГРАФИЯ

Мухаммед Шукри Голый хлеб. Роман- автобиография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48629626

ISBN 9785005059437

Аннотация

Литературный успех пришел к Мухаммеду Шукри в 1973 году с публикацией в США Полом Боулзом английского перевода его романа «Голый хлеб». В арабском мире книга долго была под запретом из-за откровенных сцен насилия. В Марокко ее разрешили к печати на арабском только в 2000 году, и на протяжении последних десятилетий она входит в первую пятерку лидеров книжного рынка. Повествование о детстве, лишенном детства, вызывает живой читательский отклик. На русский язык переводится впервые.

Содержание

Вступительное слово	5
Глава 1	7
Глава 2	29
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Голый хлеб

Роман-автобиография

Мухаммед Шукри

Переводчик Ольга Власова

Художник Мухаммед Аль-Касими

© Мухаммед Шукри, 2019

© Ольга Власова, перевод, 2019

ISBN 978-5-0050-5943-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МУХАММЕД ШУКРИ
(МАРОККО)

ГОЛЫЙ ХЛЕБ
роман-автобиография

Перевод с арабского О. Власовой

Вступительное слово

Доброе утро, граждане ночи!

Доброе утро, граждане дня!

Доброе утро, Танжер, погруженный во время, что ускользает, словно ртуть.

Вот и я возвращаюсь, чтобы побродить сомнамбулой по узким улочкам и воспоминаниям, через то, что он начертал как «мою жизнь» прошлую-настоящую... Слова и фантазии, шрамы и рубцы, о которых не пристало говорить.

Где моя жизнь во всем этом сплетении слов?

Но аромат вечеров и ночей, переполненных страхами и стремлением к авантюрам, проникает в меня, чтобы обернуться золой от горящих углей, подернутой пленительной прозрачной вуалью...

Два года тому назад умер Абдун Фурусу – настоящий герой, который пробудил мое воображение и помог мне пережить унижение, лишение, ярость борьбы с плотью...

Он умер до того, как мне удалось опубликовать рассказ «Палатка», написание которого меня вдохновило его присутствие, долгие задушевные разговоры с ним, его страстная любовь к жизни. Я жду, что на волю выйдет литература, не пережевывающая жвачку и не втирающая очки, литература, подобная этим страницам моей автобиографии, которую я написал десять лет тому назад, были опубликованы

ее переводы на английский, французский и испанский языки, прежде чем она сумела проложить свой путь к читателю в своей изначальной форме – на арабском языке.

Жизнь научила меня ждать. Осознавать игру времени, не отступая от глубины того, что созрело во мне: скажи свое слово, прежде чем ты умрешь, и оно, в конце концов, проложит себе путь. Неважно, кто в ответе за это. Самое главное, чтобы оно вызывало сочувствие или печаль, или безудержную радость... Чтобы разжигало пламя в мертвенно засушливых областях...

О гражданах ночи и граждане дня, о пессимисты и оптимисты, о бунтари, о юнцы и «убеленные сединами», не забывайте, что «игра времени» сильнее нас, это – мертвящая игра, мы можем противостоять ей только в том случае, если мы сумеем пережить смерть, предшествующую нашей смерти, нашему умерщвлению, если мы сумеем плясать на натянутом канате риска в поисках жизни.

Я говорю: живое выходит из мертвого.

Живое выходит из гнили и разложения. Оно выходит из затхлости и падения. Выходит из чрева голодных и из хребта живущих хлебом единым.

М.Ш.

Танжер, 17/5/1982

Глава 1

Мы, несколько детей, оплакивали смерть моего дяди. Раньше я плакал только тогда, когда меня били, или когда я что-нибудь терял. Мне уже доводилось видеть, как люди плачут. Это было в то время, когда в Рифе был голод. Засуха и война. Как-то вечером мне до того хотелось есть, что я не знал, как унять слезы. Я сосал пальцы. Меня рвало от набегавшей в рот слюны. Мать говорила мне скорее для того, чтобы успокоить меня:

– Уймись. Вот переедем в Танжер. Там полно хлеба. Ты увидишь, тебе больше не придется плакать из-за того, что нет хлеба. В Танжере люди едят досыта. Посмотри-ка на своего брата Абделькадера – он же не плачет.

У Абделькадера бездонные глаза, отсутствующий взгляд. Глядя на него, точно погруженного в небытие, я переставал плакать. Его безмятежное спокойствие внушало мне терпение, но ненадолго.

Мой отец в ярости пинал меня ногами с дикими криками:

– Кончай реветь, сын шлюхи, ты наешься, наешься еще раньше матери.

Он схватил меня за руку и швырнул на землю. А потом продолжал бить с остервенением. Штаны мои намокли.

Мы пешком отправились в чужие края. На обочине дороги были разложившиеся трупы, черные птицы, собаки.

Со вспоротым брюхом, разорванные в клочья. Гниль.

Ночью мы ставили палатку, где придется, там, где усталость становилась невыносимой. Мы слышали завывание лис и видели людей, которые быстро хоронили жертв голода там, где те упали. Мой брат кашлял на протяжении всего пути.

– Скажи, мама, мой брат тоже умрет?

– Нет, он не умрет, он просто болен.

– Но дядя умер.

– Нет, твой брат не умрет.

В Танжере я не увидел гор хлеба, которые мне были обещаны. Конечно, в этом раю был голод, но от него не умирали, как в Рифе.

Когда голод пробирал меня до печенок, я выходил на улицы нашего квартала, который имел славное название Аин-Кетиуэтт¹. Я рылся в отбросах. Я глотал то, что еще можно было съесть. Там я встретил одного мальчишку, босоногого, лохмотья едва прикрывали его наготу.

– Знаешь, в новом городе мусорные баки намного интереснее, чем те, что в нашем квартале. У христиан отбросы побогаче наших, мусульманских².

Так я уходил далеко от своей улицы. Один или с другими

¹ Ручей Котенка (берберск.)

² В те времена любого европейца называли «христианином» в смысле «иностранец». Как и каждого араба считали «мусульманином». Здесь «мусульмане» означает «марокканцы».

мальчишками. Мы были детьми помоек. Как-то раз на углу улицы я нашел мертвую курицу. Я подобрал ее и спрятал под рубахой. Я прижимал ее к груди. Боялся ее потерять. Родителей дома не было. Только брат лежал. Он потухшим взором неотрывно смотрел на входную дверь. Когда он увидел курицу, огонек мелькнул в его глазах. Он слабо улыбнулся. Какой-то отблеск жизни отразился на его исхудалом лице. Он тяжело дышал и кашлял не переставая. Я взял нож и обратил лицо в ту сторону, куда обращались во время молитвы. Я полоснул ножом по куриному горлу. Никакой крови. Разве что капля. Я вспомнил, как в Рифе соседи резали барашка. Они подставляли под его голову ведро, чтобы собрать кровь. Моя мать, которая тогда болела, должна была выпить эту кровь. Она лежала на кровати и бормотала что-то непонятное. Почему же у курицы не было крови? Я принялся ощипывать ее и тут услышал голос матери:

– Что ты делаешь? Где ты украл эту курицу?

– Я ее нашел. Она немного устала, и я прирезал ее, пока она сама не отдала богу душу. Если ты мне не веришь, спроси у моего брата.

– Ты с ума сошел! Человек не ест падаль.

Мы с братом обменялись очень грустным взглядом. Он закрыл глаза в ожидании хотя бы небольшого количества еды.

Отец, возвращаясь вечером, всегда был в плохом настроении. Мы все ютились в одной комнате. Порой мне доводи-

лось спать там, где я сидел. Мой отец был настоящим чудовищем. Стоило ему войти, как нельзя было сделать ни шагу, нельзя было и слова сказать – только с его позволения, точно он был Господь Бог, по воле которого все происходит, как мне доводилось слышать от людей. Он безо всякой причины колотил мать. Часто я слышал, как он говорил ей:

– Я уйду от тебя, дочь шлюхи! Оставлю тебя одну с двумя этими ублюдками.

Он нюхал табак, говорил сам с собой и плевал на невидимых взору прохожих. Он оскорблял нас и говорил моей матери:

– Ты – шлюха и дочь шлюхи.

Он проклинал весь белый свет, порой проклинал даже Бога, а потом молил Его о прощении.

Мой брат плачет, скорчившись от боли, он плачет о хлебе. Он меньше меня. Я плачу вместе с ним. Я увидел, как тот идет к нему. Чудовище идет к нему. С безумными глазами. Его руки, точно щупальца спрута. И никто не может ему запретить. Мысленно я взываю к помощи Аллаха: «Чудовище! Безумец! Останови его!» Проклятый жестоко свернул ему шею. Мой брат весь изогнулся. Кровь хлещет у него изо рта. Я бегу вон из нашего дома, оставив там отца, который пытается заставить замолчать мою мать, избивая и удушая ее. Я спрятался в ожидании окончания этой битвы. Никто не проходил мимо. Звуки этой ночи, вдалеке и близко

от меня. Небо. Лишь звезды, лампы Аллаха, стали свидетелями преступления моего отца. Люди спят. Лампы Аллаха то появляются, то исчезают. Силуэт моей матери. Голос ее слаб. Она ищет меня. Рыдает. Мрак скрывает меня. Почему она не так сильна, как он? Мужчины бьют женщин. А те плачут и кричат.

– Мухаммед, Мухаммед, где ты? Иди сюда. Не бойся. Иди сюда.

Я находил какое-то странное удовольствие в том, что вижу ее, а она меня – нет.

Я сказал ей:

– Я здесь.

– Иди сюда.

– Нет, он убьет меня, как убил моего брата.

– Не бойся. Пойдем со мной. Он не убьет тебя. Пойдем. Молчи, чтобы соседи нас не услышали.

Он рыдал и нюхал свой табак. Странно: он убил моего брата, а теперь оплакивает его. Так вдвоем мы провели бессонную ночь, оплакивая его, не произнося ни слова. Умершего обмыли и завернули в белый саван. Я заснул и оставил их оплакивать его.

Утром мы тоже оплакивали его, не произнося ни слова. Это были мои первые похороны. Тело брата завернули в циновку, его нес старый шейх. Отец шел за ним. Следом за ними, прихрамывая, тащился я, босой. Они положили его в мокрую могилу. Я дрожал и плакал. Капелька запекшейся

крови висела на его нижней губе. Старый шейх заметил, что пальцы у меня на ногах были все в ссадинах.

– Откуда эта кровь у тебя на ногах?

– Я ходил по битому стеклу.

Отец добавил:

– Этот дурак и ходить-то толком не умеет.

Старик спросил меня:

– Ты любил своего брата?

– Да, очень. И мама его очень любили. Она просто обожала его.

– Конечно! Кто же не любит своих детей!

Я вспомнил тот чудовищный жест моего отца, когда он свернул шею Абделькадеру. И чуть было не сказал: «Мой отец не любил моего брата. Это он и убил его. Да-да, именно так, убил. Прикончил. Я видел. Я присутствовал при этом убийстве. Это он убил его. Он свернул ему шею. Кровь брызнула у него изо рта. Я видел это собственными глазами. Это мой отец убил его».

Чтобы приглушить ненависть, которую я питал к отцу, я стал плакать. Мне было страшно. После всего, что произошло, он мог и меня тоже убить.

Он склонился надо мной и сказал мне почти шепотом:

– Хватит. Перестань плакать.

– Да, – сказал старик, – перестань плакать. Твой брат ушел к Аллаху.

Теперь он с ангелами.

Я так же ненавижу и этого человека, который похоронил моего брата.

Он покупал мешок хлеба и дешевого табака и уходил подалее от Танжера, чтобы отыскать там испанских солдат, с которыми он, должно быть, занимался какой-то мелкой контрабандой. Вечером он возвращался с тем же мешком, набитым изношенной военной одеждой, которую перепродавал марокканским грузчикам на большом базаре. Однажды вечером он не вернулся. Я заснул, оставив мать в полной тревоге. Проходили дни. Никаких знаков. Я пытался утешить мать, помочь ей снести эту невзгоду. Любила ли она его? Не любила? Я понял, что она чувствовала в душе, когда однажды она сказала мне:

– Ну вот мы и остались одни. На произвол судьбы. Кто станет заботиться о нас? Мы никого не знаем в этом городе. Твоя бабушка Ркия, тетя Фатима и дядя Идрис переехали жить в Оран³. Наверное, испанские солдаты арестовали твоего отца. Ты знаешь, он ведь дезертировал из испанской армии...

Мы узнали, что он и в самом деле находится в тюрьме для военных. На него донес один марокканский солдат, которому он отказался продать армейское одеяло.

Мать уходила в город на поиски работы. Ей было страшно, она боялась вернуться домой с пустыми руками. Она рыда-

³ Оран – город на западе Алжира.

ла. Шарлатаны писали ей амулеты, чтобы отец поскорей вышел из тюрьмы, и чтобы она нашла работу. Остальное время она проводила в молитвах, умоляя небеса и зажигая свечи марабутам⁴. Еще и к гадалкам ходила. Временами она горько причитала:

– Муж мой освободится, у меня будет работа и мне улыбнется удача, только если Аллах и пророк Его Мухаммед пожелают этого.

Тогда я спрашивал у матери:

– Но почему же Аллах не даст нам хоть чуточку удачи, как другим?

– Это одному Ему лишь ведомо. Нам ничего не известно. Нехорошо вопрошать Аллаха. Он знает. Мы же не знаем ничего. Он – надо всеми нами.

Она распродала все, что было в доме, и как-то раз отправила меня с компанией мальчишек рвать траву в соседнем саду. Мне было страшно. Я никого из них не знал. Я был один среди незнакомцев. Один-одинешенек я оказался тогда, когда все они принялись лупить меня. Они не любили чужаков, недавно пришедших в город. Я и был этим чужаком, которого следовало изничтожить. Мне удалось раскидать их, и я спустился в медину⁵. Мне очень нравилась обстановка, которая царила там. Меня зачаровывало это вечное

⁴ Марабут – местный мусульманский святой.

⁵ Медина – старая часть города.

движение людей и вещей. Большой Базар был центром всего этого круговращения. Здесь я нашел, чего поесть: несколько капустных листьев, очистки апельсиновой кожуры и немного полусгнивших фруктов.

Я увидел, как один полицейский гонится за мальчишкой, который был чуть постарше меня. Он почти уже догнал его. На его месте мог бы быть и я. Это я был этим ребенком, охваченным паническим ужасом. Люди кричали: «Он сейчас его догонит! Вот-вот догонит! Ну вот! Он его схватил!».

Я испугался. Я весь дрожал от страха. На секунду мне показалось, что это я оказался в руках полиция. Я обратился с мольбой к Аллаху, чтобы тот вмешался, но Он никак не проявил себя. Мальчишка оказался в сетях полицейского. Я ненавидел тех, которые кричали, которые были на стороне жестокого полицейского, я испытывал отвращение к ним. Издалека я увидел женщину, иностранку, которая выступила вперед из толпы зевак. Она была разгневана и что-то говорила на каком-то непонятном мне языке. Один их прохожих заметил: «У нее только ручка от сумки и осталась висеть на плече...».

Кто-то сильно ударил меня палкой по заднице. Я подскочил на месте, заорав по-рифски: «Мама! Мама!». Мысленно я посылал проклятья в сторону полиция. Подскочили еще двое полицейских со своими дубинками. Всеобщее смятение и паника. Какой позор. Здоровые парни лупят малышкой и уводят несчастных бедняков, которые слоняются по этой

площади без работы.

Мне уже говорили, что полиция бьет людей и бросает их в тюрьму в особо тяжелых случаях, как убийство или крупная кража... После этого случая я отправился на главное кладбище Буарауия. Я взял несколько веточек базилика с красиво убранных могил и положил их на могилу моего брата. На этом кладбище было много могил без цветов, без плит, просто небольшой холмик и два камня, один указывал на изголовье, другой лежал в ногах. Забытые могилы, поросшие сорной травой. Разница между богатыми и бедными не обходит стороной и мертвых. Когда я спросил мать: «Но все же почему человек умирает?», она мне ответила: «Потому что так угодно Аллаху».

– А куда они уходят потом?

– В рай или в ад.

– А мы с тобой?

– В рай, если пожелает Аллах.

– А что есть в раю?

– Ты задаешь слишком много вопросов. Вот вырастешь и все поймешь.

На этом кладбище я нашел ту траву, которую искал. Трое мужчин, сидящие на краю могилы, пили. Один из них окликнул меня:

– Иди сюда, малыш! Иди, я тебе кое-что дам! (Я испугался и бросился бежать) Отдай это своей матери, выродок!

Трава была хорошей. Мать приготовила из нее вкусную еду. Я глотал, почти не жуя.

– Где ты ее взял?

– На кладбище Буарауия.

– Что? На кладбище?!

– Да, на кладбище. А что в этом плохого. Я ходил на могилу брата, положил туда базилик. Я заметил, что холмик над его могилой уже не такой высокий. Если он будет так опускаться, то скоро могилы больше не останется, она сравняется с землей, и мы больше не сможем найти то место, где похоронен мой брат.

Она перестала есть, в глазах у нее стояли слезы. Я продолжил:

– Этой травы полным-полно на кладбище, вокруг заброшенных могил.

– Сын мой, то, что растет на кладбище, не должно употребляться в пищу.

– Но почему?!

Она была в сильном замешательстве. Я же ел с большим аппетитом. В какой-то момент мне показалось, что ее сейчас вырвет. Она сказала мне по-рифски:

– Прекрати!

– Но я еще не наелся.

– А где ты взял базилик для твоего брата?

– На тех могилах, которые были сплошь покрыты цветами.

Она по-настоящему рассердилась:

– Завтра же пойдешь на кладбище и вернешь все эти цветы на место. Ты что, забыл о том, что у всех этих могил есть хозяева. Смотри только, чтобы никто не увидел, как ты будешь класть их на место. Мы купим цветы для твоего брата и украсим его могилу.

Она заплакала и прижала меня к груди. Слезы текли у меня по лицу. Я сопровождал ее на большой базар, где она покупала черствый хлеб, который нищие перепродавали под деревом святого Сиди Махфи. Она размачивала хлеб в котелке с теплой водой, добавляя немного масла и специй.

Как-то утром она сказала мне:

– Я пойду на базар. Куплю овощей и фруктов и перепродам их. А ты сиди здесь. Не ходи играть с мальчишками, не оставляй дом, а то обворуют.

Между мальчишками квартала и мной существовало небольшое различие. Хотя некоторые из них были еще беднее меня. Я как-то раз видел, как один из них подобрал куриный скелет и обсасывал куриные кости, приговаривая: «У жителей этого дома такая интересная помойка, там столько всего...» Для них же я был голодным пацаном, пришедшим из чужих мест:

– Он из Рифа. Он пришел из тех краев, где голод и убийцы.

– Он не умеет говорить по-арабски.

– Все рифцы больны, и везде, куда они приходят, они при-

носят с собой голод.

– Даже животные у них больны.

– В любом случае, мы не едим их животных. Кроме того, из-за них они становятся еще более больными.

– Да, когда умирает корова или овца, они все равно их съедают. Они едят падаль.

Это презрение к жителям Рифа распространялось и на тех, кто спустился с гор. Разница была лишь в том, что рифцев считали предателями, а горцев – несчастными простаками.

У нашего соседа было грушевое дерево, на котором всегда висело много плодов. Я часами напролет разглядывал его груши. Как-то утром он застал меня за тем, что я пытался сбить одну сочную грушу тростниковой палкой. Он стащил меня на землю. Я попытался вырваться из его рук. Мне было так страшно, что от испуга я наделал в штаны.

– Это он портит наши груши, – сказал сосед своей жене. – Хуже тли. Он их больше давит, чем ест. Настоящий крысёныш!

Женщина ласково спросила меня:

– Где твоя мать, дитя мое?

– Она ушла на базар продавать овощи.

– Не плачь. А отец?

– В тюрьме.

– В тюрьме?

– Да, так точно, в тюрьме.

– Бедняга. А почему он в тюрьме?

Она повторила свой вопрос, глядя меня по лицу:

– Скажи мне, почему твоего отца посадили в тюрьму?

Я решил про себя, что откровенность в данном случае может повредить достоинству моих родителей.

– Не знаю почему. Мама знает.

Мужчина и женщина о чем-то поговорили между собой. Может быть, они собирались оставить меня у себя в доме. Здесь же была и их дочь, она шлепала босиком; руки у нее были чистые, белые, мокрые. Матери и дочери было жаль меня. Но только не мужчине. Он, не собираясь вдаваться в детали, хотел наказать меня, хотел дать мне почувствовать мою вину. Схватив меня за руку, он потащил меня в комнату, битком-набитую всякой рухлядью, что-то вроде свалки, и сказал мне:

– Посиди-ка пока вот тут. И не реви. Если будешь плакать, я хорошенько прочу тебя вот этим прутом.

Так я впервые узнал, что такое тюрьма. Домашняя тюрьма. Странно. Люди, которые были совершенно чужими моей семье, имели право распоряжаться моим телом и решать мою судьбу. Кроме того, эти огромные вкусные груши в саду были предназначены для них. Почему, о Аллах, мы оставили наш край и нашу землю? Почему другим неведомо то, что значит исход?

Странно! Мой отец – в тюрьме, мать перебивается кое-

как на базаре, а я, оставшийся один на один в ледяной хватке голода, в руках этого человека, этого иностранца, уютно разместившегося со своей женой в огромном доме. Почему же у нас ничего нет? Почему у них, а не у нас?

В замочную скважину я наблюдал за девушкой, которая усердно мыла пол. Она уходила и приходила, подол платья у нее был подоткнут. Я видел ее красивые белые ляжки. У нее была небольшая, очень красивой формы грудь, которая вздымалась под ее блузкой, когда она наклонялась, чтобы поднять ведро с грязной водой. Голова ее была покрыта белой косынкой в пятнах от хны.

Я несколько раз стукнул в дверь, чтобы привлечь ее внимание. Мне было страшно.

– Открой мне, пожалуйста, открой эту проклятую дверь...

Она слегка заколебалась. Внутренне я сильно настаивал, не произнося при этом ни слова, сгорая от нетерпения поскорее выбраться отсюда, страх не покидал меня.

– Пожалуйста, подойди сюда...

Она приблизилась к двери, вытерла руки, одернула платье и сказала мне, открывая дверь:

– А вот и я! Что тебе надо?

Я был взволнован, в глазах у меня стояли слезы.

– Мать поручила мне стеречь дом от воров. Если она не найдет меня на месте, когда вернется, то избьет меня.

Я опустил голову, немного из-за того, что не был слишком уверен в себе, а еще потому, что хотел ее уговорить вы-

пустить меня. Она поглядела на меня, прикрыла колени, застегнула блузку. Я больше не видел ее груди, но представлял их себе, такие белые, такие нежные, на верхушках которых было точно по черной виноградине.

– А ты не будешь больше рвать груши в нашем саду?

– Нет. Больше никогда в жизни. Клянусь тебе. Ты можешь убить меня своими руками, если еще хоть раз увидишь меня в этом саду.

Она улыбнулась. Она, но не я. Я бегом выскочил из дома. Она бросила мне вдогонку своим нежным голоском:

– Эй, иди сюда! Ты хочешь есть?

Заколебавшись, я ответил:

– Нет.

Она велела мне немного подождать. Я больше не боялся. Родителей ее, судя по всему, здесь не было. Я бросил взгляд на дерево. Как можно говорить, что я больше никогда не стану есть этих груш! Она вернулась, неся мне блин с медом.

– Когда захочешь есть, приходи к нам. Послушай, у тебя что, нет ботинок?

– Мать мне купит.

Мы расстались с улыбкой, помахав друг другу на прощание. Мне хотелось бы, чтобы у меня была такая сестра, мне так хотелось бы жить в таком доме. Конечно, мужчина этот будет посуровей своей жены. И все же хозяин этого сада, не такой строгий, не такой жестокий, как мой отец.

Какой-то человек следует за нами по пятам. Он подходит к ней и что-то шепчет ей на ухо. Каждый раз она уходит от него и даже переходит на другой тротуар. Она сжала мою руку в своей так сильно, точно пытается удержать меня, чтобы я не сбежал от нее. Человек догоняет нас, смеясь. Кажется, что она совсем выбилась из сил, и останавливается. Мужчина обгоняет нас. Мы переходим улицу. Он идет следом за нами. Я начинаю нервничать. И спрашиваю:

– Чего он хочет?

– Замолчи. Это тебя не касается.

Я смотрю на него, он улыбается. Он продолжает идти за нами следом. Так чего же на самом деле хочет этот человек, чего он ждет от моей матери? Может, он хочет украсть у нее сумку? Ну конечно же, это – вор. Точно, бандит. Всем своим видом он вызывает у меня отвращение. Он отвратителен и не предвещает ничего хорошего. На этот раз я крепко сжимаю руку матери.

– Почему ты меня так крепко держишь? Я не собираюсь от тебя удирать...

И тогда я говорю мужчине:

– Иди отсюда! Пошел вон! Чего тебе надо?

Да будет он проклят Аллахом! Он улыбается. Он улыбается мне и смотрит на мою мать. Я ненавижу этого типа. Мать говорит мне:

– Замолчи! Это не твое дело!

Я разозлился и на нее тоже, но не показывал виду.

И все же! Подумать только: я ее защищаю, а она мне затыкает рот... Это несправедливо.

Мы встретили подругу моей матери. Они принялись говорить о моем отце, которые по-прежнему был в тюрьме. Мужчина отошел немного в сторону. Женщина погладила меня по голове, по лицу. Я отпустил руку матери. Женщина спросила:

– Почему он такой грустный?

Рука матери гладила мою шею. Я уже меньше сердился на нее.

– Просто он такой сам по себе, – ответила она.

Уходя, я поцеловал руку этой женщине, как мне велела мать.

Живот ее становился все больше и больше. Порой она уже не ходила на базар, ее целый день рвало. Она чувствовала себя усталой. У нее болели ноги. По ночам она рыдала. Живот ее все время раздувался как шар. А что, если он лопнет? Я становился все менее впечатлительным. Я стал суровым. Суровым и печальным. Я потерял привычку и вкус к играм с мальчишками на улице. Как-то ночью меня перенесли в другую комнату, где я спал с тремя другими детьми. Это был дом нашей соседки. Она сказала мне утром:

– Теперь у тебя есть сестричка. Ты должен любить ее.

Она ходила навещать отца в тюрьме раз в неделю. Порой она возвращалась вся в слезах. Я понял, что женщины пла-

чут больше, чем мужчины. Они плачут-плачут и вдруг останавливаются, как дети. Они грустят, когда кажется, что они счастливы, или когда думаешь, что увидишь их несчастными, вдруг обнаруживаешь, что они, наоборот, в прекрасном расположении духа. На самом деле, мне всегда трудно угадать, когда эти женщины счастливы, а когда нет. Я видел, как моя мать плачет, улыбаясь. Может, это какая-то особая форма безумия?

Я оставался дома, чтобы приглядывать за моей сестренкой Риму. Я знал, как ее можно рассмешить и как заставить замолчать, когда она начинала плакать. Но порой я оставлял ее плакать одну и уходил из дома. Она махала своими маленькими ручками и ножками, как черепашка, которую перевернули на спину. Когда я возвращался, то находил ее спящей или улыбающейся. Мухи собирались вокруг ее рта или на ее маленьком личике, искусанном комарами. Бедняжка! Днем – мухи, ночью – комары!

Сестренка росла. Мать уже плакала меньше, чем раньше. А я... я становился все более и более жестоким и нервным, будь то дома, или на улице. Когда мать или мальчишки из квартала одерживали надо мной верх, я крушил все вокруг или бросался на землю, молотя кулаками, плача и ругая их на чем свет стоит. Как-то раз я спросил ее:

- А может ли женщина тоже попасть в тюрьму?
- Почему ты меня об этом спрашиваешь?
- Спрашиваю, и все тут.

– Да, женщина тоже может оказаться в тюрьме, если совершит что-нибудь плохое...

Она брала нас с собой на базар. Сестренка сосала грудь, а я бродил в поисках еды. Я просил подаяния или просто воровал по мелочи между базаром и узкими улочками медины.

Когда она начинала беспокоиться, что я слишком долго отсутствую, я угрожал ей:

– Уйду к чертовой матери, и ты меня больше никогда не увидишь.

– Ты уже сейчас, в таком-то возрасте, стал совершенно невыносим!

Как-то утром на базар соседка неожиданно привела к нам какого-то мужчину. Мать принялась рыдать. Может быть, она плакала из-за этого человека? Злой и жестокий человек.

На следующий день она не пошла на базар. Она пошла в баню и стала прихорашиваться: подвела глаза сурьмой, наредила губы суаком. Она была вполне довольна. Странно!

Когда мой отец вышел из тюрьмы, она плакала. Я никогда не видел, чтобы женщина плакала столько, сколько она. Она объяснила мне, что отец собирается разыскать и избить того солдата, который донес на него. Ну, здесь-то я был доволен. Я очень надеялся на то, что он найдет его, убьет и снова сядет в тюрьму, и на этот раз уже надолго. Один из двоих должен умереть. Я ненавидел своего отца. Он скорее отсутствовал, чем присутствовал!

В тот вечер отец вернулся домой грустным. От него пахло спиртным. Я услышал, как мать кричит на него:

– Ты что, выпил? Напился?

Он прошептал что-то и мешком опустился на пол, грустный и усталый. И он, и я, мы оба были очень грустными, но совершенно по разным причинам: он – потому что не нашел того солдата, а я – потому что он вернулся домой. Прежде чем лечь спать, родители обмолвились о том, что, может быть, мы уедем жить в Тетуан. Трудно не слышать того, что говорят, когда все теснятся в одной комнате.

Я проснулся ночью, чтобы пойти пописать. И тут я услышал звук поцелуев, звук задыхающихся тел и кожи, трущейся одна об другую. Они занимаются любовью! Будь проклята эта любовь! Мне хотелось плюнуть. Как она лжива! Отныне я никогда больше не стану ей верить. Еще я услышал:

Он: Твой рот.

Она: Вот. Понежней. Не так сильно, будь чуть поскромней. Нет, не так...

Чем это они там занимаются?

Он: А я тебе говорю, что так.

Она: Я буду спать на полу.

Он: Потаскуха.

Она: Нет, нет, Ты мне делаешь больно. Вот так лучше. Нет, нет, говорю тебе, что не так.

Можно было подумать, что их трясет в лихорадке. Они тяжело дышали, задыхались. Они обнимаются, кусают друг

друга, пожирают друг друга. Кровь... Шепот. Он пронзает ее, точно кинжалом. Долгий крик, прерванный рыданием. Он убил ее. Я чувствую, как мой мочевой пузырь опорожняется. Теплая моча течет у меня между ног.

Как-то утром, перед нашим отъездом, я снова увидел ту девушку, которая освободила меня из тюрьмы и угостила блином с медом. Я сказал ей, что мы уезжаем в Тетуан. Она взяла меня за руку и привела к себе домой. Я съел целую лепешку, сдобренную маслом и медом, потом она дала мне красивое красное яблоко и горсть миндальных орехов. Более того, она вымыла мне лицо, руки и ноги. Кем я был для нее: младшим братом или сыном? Она расчесала мне волосы. Я чувствовал ее нежные руки у себя на лбу и на лице. Она опрыскала меня духами и поставила перед зеркалом. Я стал разглядывать в нем свое лицо, будто видел себя впервые. Она нежно взяла мою голову в руки так, как я брал воробышков в свои ладони. Главное, не сделать больно. Она поцеловала меня в щеку, а потом в губы. Я подумал о ней, как о сестре, которая не была дочерью моей матери.

В день нашего отъезда я вспомнил о могиле моего брата. Могила, которая останется ничейной, безвестной, без цветов, без молитв. Могила, от которой со временем не останется и следа, какая-то мелочь, затерянная в грудe великих вещей.

Глава 2

В Тетуане мы нашли себе жилье: маленький домик по соседству с садом в квартале Айн Хаббаз. Одна-единственная комната. Уборная на улице.

Мать снова стала продавать овощи и фрукты. Это происходило в Транкате. Отец переживал свою безработицу в компании с инвалидами и бывшими бойцами войны в Испании. Все они собирались на площади Фаддан. Некоторые гордились этим, потому что война позволила им рисковать, и у них остались воспоминания о боях, из которых они выходили победителями или побежденными. Каудильо⁶ они называли промеж собой «Аль-Хадж Франко».

Я же стал рассыльным у наших соседей-испанцев. Моя сестренка Риму уже пыталась ходить, но все время падала. Я играл с ней, мы смеялись вместе до того момента, пока она не обделывалась. Тогда я уходил. Поскольку не мог вынести запаха ее какашек. Время от времени мой отец исчезал на день-другой. Когда он возвращался, то ругался с матерью и часто бил ее. Но по ночам я слышал, как они смеются. Должно быть, они развлекались во время своей возни в постели. Наконец, я понял, что они делали. Они спали совершенно голыми и обнимались. Значит, именно это объединя-

⁶ Каудильо – исп. *caudillo* – «предводитель» или «вождь», официальный титул испанского диктатора Франко (1892—1975).

ло их: желание и телесные наслаждения. И у меня тоже, когда я вырасту, будет жена. Днем я ее буду бить. А по ночам покрывать поцелуями и окутывать нежностью. Это некая игра, забавное времяпрепровождение между мужчиной и женщиной.

Мой отец нашел мне работу в кофейне. Он сказал хозяину-калеке:

– Вот мой сын. Вверяю его тебе. Защищай его. Я убью любого из этих пьяниц и наркоманов, если только кто-нибудь посмеет его пальцем тронуть. Ты меня знаешь. Нам, жителям Рифа, терпение неведомо.

– Будь спокоен, Си Хадду. Никто к нему и близко не подойдет.

Я работал с шести утра и уходил за полночь. В конце каждого месяца мой отец приходил к хозяину кофейни. Он устраивался на террасе, пил чай и получал тридцать песет, что составляло всю мою зарплату. Хозяин приглашал меня и заставлял поцеловать руку отца, который говорил мне при этом:

– Я только что получил деньги за твою работу. Да благословит тебя Аллах!

Он не давал мне ни сантима. Потом он исчезал на несколько дней и возвращался мертвецки пьяным. Я слышал, как мать ругает его. Часто до меня долетали слова «пропойца» и «потаскун».

Вот так мой отец эксплуатировал нас. И хозяин кофейни

тоже эксплуатировал меня, поскольку я узнал, что есть другие половые, которые получают больше меня. Я решил, что буду обкрадывать любого человека, который будет эксплуатировать меня, будь то даже мои отец или мать. И буду считать воровство законным делом среди этого племени негодяев.

В кофейне было два типа посетителей: те, что приходили сюда днем, и те, что бывали здесь ночью. По воскресеньям они оказывались все вместе и перемешивались. Они расспрашивали друг друга о ночных и о дневных событиях.

Я курил сигареты, а порой, тайком, и трубки с кифом. Когда я выполнял поручение кого-нибудь из посетителей кофейни, тот давал мне немного кифа или полстаканчика вина, или еще самокрутку с гашишем. Меня рвало какой-то зеленой и желтой плесенью. И однажды я заболел. Жизнь показалась мне странной. Болезнь делает одиночество еще более глубоким. Человек с удивлением констатирует, что он любит себя еще больше, когда его охватывает одиночество. Я понял, что я это всего лишь я, и никто больше. Один в зеркале своей души.

Клиенты кофейни всячески поощряли мое желание курить киф или жевать гашиш. Один из них сказал мне:

– Знаешь, в первый раз всегда рвет.

Он был прав. Больше не было никаких болезней, голова больше не кружилась. Когда я в первый раз выпил вина, меня вырвало, и чувствовал я себя хреново. И мне тоже сказа-

ли: «В первый раз всегда так». Наркоманы и пьяницы были правы. Они знают толк в том, о чем говорят.

Нельзя сказать, что хозяин кофейни был недоволен моей работой. Больше всего его интересовали деньги. Он тоже употреблял наркотики и напивался. Порой я говорил себе: «Разве для этого мы пришли в этот мир? Нет! Есть ад и рай. По крайней мере, так говорила мне моя мать...»

Бывали ночи, когда я оставался спать в кофейне, прямо на лавках, в другие ночи я находил себе пристанище в испанской булочной. Однажды ночью я увидел, как банда булочников разделалась со своим товарищем Язиди, хохоча, они связали его, заткнули ему рот какой-то тряпкой. Они развлекались, как могли. Один из них стянул с себя штаны, надрочил свой член и стал тереть его о лицо Язиди, особенно яростно тыкая ему в нос. Он проделал то же самое, суя ему то в глаза, то в ноздри свои ягодицы и яйца. И вот так развлекаются мужчины? Я вышел из булочной, обезумев от мысли о том, что со мной могли сыграть ту же шутку, что и с Язиди, а то еще и похуже. Уж лучше дрожать от страха на узкой улочке, чем остаться в руках этих парней. Вокруг меня все только и говорили что об изнасиловании девушек и юношей.

Я стал кем-то вроде члена семьи. Я ел с детьми хозяина кофейни и спал с ними в одной комнате, за исключением тех ночей, когда вино заставляло меня держаться от них подальше. Его жена очень часто наряжалась, надевала каф-

тан⁷ и украшения и уходила из дому. Она возвращалась поздно ночью, а порой не приходила совсем. Это была дородная женщина с очень белой кожей. С круглым лицом и огромной грудью, бедра у нее тоже были необъятной ширины. Она все время обильно потела, ее легкие одежды прилипали к коже, точно она только что вышла из воды. Мне случалось разглядывать ее тело и ощущать приятную истому, когда она мне улыбалась. Кроме того, она никогда меня не ругала. Я уже видел, как муж бьет ее, ее и детей, как это делал с нами мой отец, но с еще большим остервенением. Но я видел также, как он целует своих малышей и ласково и нежно беседует со своей женой. А мой отец только кричал и бил.

Мне случалось по целой неделе не видеть родителей. Я отдыхал от них и от их проблем. Я мало спал и худел на глазах. Я заболел. Живот у моей матери снова стал раздуваться. На этот раз я больше не стану сидеть дома, чтобы заниматься с ее младенцем. Эти времена давно прошли. Я вырос и худо-бедно зарабатываю себе на жизнь... Я представлял себе зародыш, который орал в животе у матери. Я слышал его. Болезнь вынудила меня прервать работу в кофейне. Я научился ловить воробьев. Мне удалось смастерить качели в саду: деревянная доска и две веревки. Я качался, и это доставляло мне удовольствие. Мой небольшой член напрягался, следуя этому движению вверх-вниз, вверх-вниз. А еще я научился плавать в некоем подобии бассейна, в который собирали во-

⁷ Кафтан – род праздничной женской одежды в странах Северной Африки.

ду для поливки сада. Я вставал рано утром, чтобы наворовать фруктов, кур, яиц и цыплят. Я прекрасно знал все гнезда и потайные места в этом саду. Я продавал свою добычу бакалейщикам квартала. Я ощущал, как во мне все сильнее пробуждается мужская сила. Желание это крепло и становилось все настойчивей. Моими самками были лишь куры, козы, собаки, телки... Собачью пасть я удерживал одной рукой при помощи сита. Телок я связывал. А что касается козы или курицы, так кто же их боится?..

У меня болела грудь. Взрослые, которым я говорил об этом, отвечали: «Это половое созревание». У меня болели соски, особенно в момент эрекции. Я открыл для себя мастурбацию совершенно естественным способом. Поэтому меня это ничуть не смущало. Я мастурбировал, воображая себе любые образы и запретные или желанные тела. В тот момент, когда я кончал, я чувствовал точно рану внутри моего члена.

Однажды я взобрался на фиговое дерево и сквозь ветви увидел Асию. Должно быть, Асия была дочерью хозяина этого сада. Она неспешно направлялась к бассейну. Она может увидеть меня и предупредить своего отца, который никогда не улыбался, точно, как мой отец, который, в своей ярости должен был походить на многих других мужчин. Девушка обернулась, словно чтобы увидеть кого-то или что-то, или услышать какие-то голоса. Я обратил внимание на ее

глаза, они были черные и огромные. Очень живые. Она почти внушала страх. Если бы я не знал ее, то мог бы подумать, что передо мной настоящая дьяволица. Она тихонько направлялась к бассейну, оборачиваясь время от времени. Чего она боялась? Почему ступала так робко? Почему эти колебания? Почему она шла вот так? Стоя на ступеньке, ведущей к бассейну, она выглядела так, будто была одна-одинешенька в этом мире. Она сняла пояс. Тело ее предстало передо мной во всей своей невинности. Платье распахнулось, точно крылья птицы, которая напрасно пытается взлететь. Оно соскользнуло с ее плеч, и я увидел ослепительно белые груди. Она еще раз обернулась. Я ощутил головокружение, настолько сильным было испытываемое мной удовольствие. Я был восхищен и потрясен. Никогда раньше мое тело не испытывало подобного потрясения. Я дрожал. С дерева упала одна смоква. Еще одну я проглотил одним махом. Смокв в моей корзине сильно поубавилось. Поднялось солнце. Оно было ярко-желтое: точно яйцо, опрокинутое на голубую тарелку. Животные приветствовали это пробуждение. Некоторые из них пели и ворковали. Вдалеке кричал осел, которого мне не было видно. Сказать по правде, я видел лишь ту, которая... раздевалась. Обнаженная Асия. В ее обнаженности мне виделась целая планета: деревья, роняющие листья, мужчины, сбрасывающие одежды, звери, меняющие мех. Обнаженность. Вся вселенная обнажилась. Платье соскользнуло с тела Асии. Совершенно голая. Асия, голая с го-

ловы до пят. Дочь хозяина сада была голой! Тело ослепительной белизны. Иссиня черные густые волосы. Крепкие груди. Хорошо очерченные соски. Волосы на лобке были угольно черными. Я почувствовал, что член мой заломило. Она опустилась еще на несколько ступенек. Обернулась. Боль в члене еще больше усилилась. Волосы закрывали ей всю спину. Когда она наклонялась, волосы скользили по ее плечам. Я увидел ее ягодицы, разделенные тонкой ниточкой темных волосков. В рот набежала слюна, во рту был мед. Все тело мое сотрясала дрожь наслаждения. Я чувствовал себя усталым, счастливым на этой ветке смоковницы. Асия продолжала спускаться в бассейн. Медленно, чтобы не поскользнуться на зеленеющей плесени. Она разглядывала воду и сад. Она боязливо и осторожно обливала водой свои груди, живот, лобок. Подпрыгивала на месте. Я спустился с дерева и, гордый собой, снова взобрался и стал ждать. Я с аппетитом ел смокву, позабыв обо всех своих мелких проблемах. Асия плавала, ныряла, играла с водой, точно сирена. Она появлялась и исчезала. Сад наполнялся криками и пением животных. Все было прекрасно. Она играла со своим телом, ложась на воду то на спине, то боком, вздымая ноги над водой и опуская голову в воду... Какое чудо! Какая красота! И я был единственным, кто видел ее.

Дрожа, она вышла из воды, прикрывая одной ладонью грудь, а другой лобок. Пугливая и растерянная. «Ступай, умри, любимая моя!» Она взяла платье, быстро проскольз-

нула в него и исчезла. «Ступай, умри, красавица...!» И так, ослепительная белизна покинула сад, а я зашелся от нервного безумного смеха. Осел снова принялся кричать. Ночью мне снилась Асия. Обнаженная. То она являлась мне крылатой и взлетала под небеса, то она грезилась мне какой-то двусмысленной сиреной в водах бассейна. Я следовал ее движениям, тела наши переплетались, свивались воедино для нежного сна в глубине вод.

Этот образ долго не покидал меня: тело в самом расцвете юности во всей своей неприкрытой обнаженности. Асия останется в моей памяти. Ускользящий образ и посвящение увиденным в некое таинство.

Позже я пережил ощущение от другого тела, тела Муны, совсем маленькой девочки. Она присела на корточки под деревом. Ее маленькие белые ягодички и ее лобок, лишенный растительности, были открыты всем ветрам. Я стоял позади другого дерева. Она не могла видеть меня. Странно! Почему лобок у нее розовый и без волос? Почему щель между ляжками открывается так широко во всей своей неприглядности, когда она садится? Эта щель открывалась, точно беззубый рот.

Однажды я случайно увидел нашу соседку, наполовину обнаженной. Я пришел попросить что-то для кухни. Груды ее свисали, живот был толстый и в складках, все ее тело было дряблым и обрюзгшим. Странно! Если у всех женщин тело не так прекрасно, как тело Асии, то женское тело отврати-

тельно, совершенно отвратительно...

Постепенно меня все больше и больше стал занимать мой член.

Мой пенис свербел у меня дни напролет. Он причинял мне боль. Нервный и нетерпеливый. Я ласкал его пальцами, чтобы усмирить его. А он поднимался и раздувался, становясь красным и задыхающимся. Яйца тоже болели, когда мне не удавалось удовлетворить свое желание. У меня перед глазами образ тела, образ Азии. Губы мои касаются ее кожи, ее груди, она не сопротивляется. Она ласкает меня. Пальцы ее касаются моих губ. Она целует меня в плечо. Наши тела снова сплетаются. Я воображаю сон. Уже виденный сон. Нежное объятие. Я продолжаю переживать этот образ, достигая вершины наслаждения, до полного изнеможения и возврата к реальности.

Я пошел к Азии и все ей рассказал, все, что произошло с того момента, когда она купалась в саду, и до сна. Слегка разозлившись, она стала гоняться за мной. Я бегал быстрее нее, но поддался и позволил ей догнать меня, и мы вместе упали на землю. Я поднялся, чтобы убежать, но она простила меня. Тогда я пригласил ее съесть вместе со мной яйцо вкрутую. В то время я изобрел один очень хороший способ варить яйца. Я заворачивал их в мокрый носовой платок или в газетный лист и, закопав их, разжигал небольшой костер. Еда проще некуда. Яйца, сваренные в тепле земли и несколько фруктов. Я дал ей задремать под деревом, а сам забавлял-

ся, наблюдая за тем, как она спит.

У нее был младший брат. Помоложе меня. Мне доставляло удовольствие оставаться с ним. Мне нравилось чувствовать его тело рядом с моим. Делить с ним еду было для меня чем-то чувственным.

Новая игра: изводить спички коробками. Я садился на край бассейна, брал несколько спичек и, поджигая их, бросал на испуганных угрей. Будучи нетерпеливым ребенком, я чувствовал себя по-настоящему счастливым при виде этой короткой вспышки огня. Несколько спичек вырвались у меня из рук и попали на изгородь из сухого тростника. Я не обратил на это внимания. Я продолжал забавляться до тех пор, пока не услышал какого-то потрескивания. Огонь был прямо за мной. Чтобы потушить его, я бросал все подряд: камни, палки... Я спрятался в конюшне. Крики. Я услышал, как знакомые голоса зовут на помощь. Охваченный паникой, я зарылся в стог сена. Наступила ночь, а я все не покидал своего убежища на скотном дворе. Там была одна корова голландской породы, от которой я не мог оторваться. Я начал гладить ее сосцы, раздувшиеся от молока. Я сосал их как младенец. Она позволила мне сделать это. Так я нашел себе новое пристанище. Днем я бродил по улицам, а вечером забирался в стойло. На третью ночь я попал в ловушку, приготовленную моим отцом, который запер меня в доме и отхлестал ремнем. Соседи выломали дверь, чтобы спасти нас, мать и меня от безумной ярости отца. Тело мое было в кро-

ви, у матери был большой синяк под глазом. У меня болело все, и я нигде не находил себе места. Ах, если бы было можно уснуть между небом и землей, прикорнув на облаках!

Спустя несколько дней я вернулся в кофейню. Снова мелкие поручения, киф, вино и маджун. В доме хозяина кофейни я увидел, как его дочь нагнулась, стирая белье, и платье у нее задралось. Она показалась мне старше, чем раньше. В любом случае, она была старше меня. Я долго наблюдал за ней и почувствовал, как во мне зарождается какая-то агрессия против этого тела. То насилие, жертвой которого я был, извращало мое восприятие. Девушка посмотрела на меня, улыбаясь. Ее платье задралось от ветра. Я, не отрываясь, смотрел на нее и думал об Азии, которая, конечно же, была куда красивее, но эта – ее звали Фатима – казалась мне ближе, и доступней. На самом деле, Асия была лишь далеким воспоминанием. Фатима остановилась на мгновение, потянулась, чтобы избавиться от усталости. Ее наполовину обнажившиеся ляжки были достаточно толстыми. Одним жестом она опустила подоткнутый подол, и вид у нее стал пристойный. Я был недоволен, я мысленно представлял себе, как задираю ей платье, а она опускает его, я хлещу ее по щекам, она сердится, а я в отместку поджигая ее подол. Пламя ползет по одежде, доставляя ей удовольствие. Как прекрасна она была, когда огонь раздевал ее!

Она сказала мне со злостью в голосе:

– Чего тебе надо? Ты что, заснул? Ты на земле или вита-

ешь где-то в облаках?

Я разочарованно протянул:

– В кофейне больше нет сахара.

– В конце концов, ты что, не знаешь, где лежат запасы сахара. Только этого не хватало... Ты сегодня какой-то странный... Что с тобой? Я, пожалуй, скажу об этом отцу.

Понурился, я пошел за сахаром. Я всегда находил предлоги, чтобы войти в дом, когда Фатима была там одна. Так, я раздевал ее с помощью огня, когда мне этого хотелось. Она привыкла к моим предложениям, а я, я понял причину ее напускного дурного настроения. Обмен взглядами и мало слов. Однажды ночью наши тела встретились для тепла и для игры. Они по очереди накрывали друг друга. Я ласкал ее. А в мыслях я воображал себе, как эта нежная рука со всей силы бьет ее. Наши лица, слившиеся воедино. Ее лицо над моим.

Его назвали Ашур. Это был третий ребенок в семье. Моя сестра Риму уже достаточно подросла, чтобы следить за ним и заниматься им.

А я по-прежнему был в том же месте. Однажды вечером, когда стояла хорошая погода, я выпил вина и принял немного гашиша. Я устроился на террасе кофейни и, не двигаясь, долго глядел на звездное небо. Когда я закрывал глаза, в глазах у меня пленницами оставались несколько звезд.

Хозяин толкнул меня:

– Давай поднимайся. Подай стакан воды вон тому господину.

Я смотрел на него, все еще пребывая в своих грезах. Негодяй. Одним движением он погасил все мои звезды.

– А ты сам, почему бы тебе самому не обслужить этого господина? Ты-то здесь для чего...

Он дал мне пару затрещин и плюнул в мою сторону. Я зашелся от нервного смеха. Кто-то из уже обкурившихся клиентов вмешался:

– Ты что, не видишь, что он пьяный и обкуренный.

Это был мой последний вечер в кофейне. Я ушел в сумрак города, а голова моя была полна птиц. Я не боялся призраков, ни человеческих, ни дьявольских. На какой-то темной улице я погнался за неведомым животным. Должно быть, это была кошка или кролик.

Сразу после праздника Аид аль-Кебир⁸ я поехал вместе с матерью на реку. Она искупалась и вычистила баранью шкуру. Среди ночи я услышал, как она взывает к Аллаху. Она забыла нож у реки. Ни слова не говоря, я отправился к реке и принес нож, который я держал в руке так крепко, словно сражался с каким-то невидимкой. Словно я... Нет! На другом берегу я увидел какой-то силуэт. Призрак. Джинн. Мне говорили, что в схватке с дьяволом, нож мо-

⁸ Аид аль-кебир (араб.), курбан-байрам (тюрк.) – праздник жертвоприношения, один из двух главных праздников мусульман.

жет очень пригодиться. Я вонзил его в землю среди травы и, дрожа, преклонил колени. Я упал, будучи не в силах крикнуть или обернуться. Один неверный шаг, один взгляд назад, и я рисковал быть испепеленным молниями, насылаемыми джинном. Так, спотыкаясь, я бежал до самого дома. Сердце мое билось так сильно, что будто билось во всем моем теле. После этого испытания я сильно заболел. В какой-то момент все решили, что мне уже не выкарабкаться. К моему изголовью пришел шейх. Он был известен тем, что изгонял джиннов, которые вселялись в людей. Он приказал моей матери резать черного петуха, принести меня и семь раз обойти со мной вокруг пролитой крови.

Когда я выздоровел, я рассказал эту историю моим приятелям. Все они мне поверили. Для взрослых этот «джинн» был всего лишь крестьянином, поздно возвращавшимся к себе домой. Но большинство людей верят в истории с джиннами. Разве те не слуги зла, которое насылает Аллах, дабы наказать людей?

Мой отец не замедлил найти мне работу на кирпичной фабрике. Двадцать пять песет в неделю. Руки мои быстро износились и заскорузли, они были все в ранах и ссадинах от глины. Лицо мое покрылось загаром, а тело окрепло. Оттуда я отправился к горшечнику, где целыми днями таскал глиняные кувшины и блюда. Я вырос. Поскольку я сам получал свое жалованье, то половину отдавал отцу, в оплату

за еду и жилье. Я больше не мог возить тачку. Я взбунтовался. Я воспользовался отсутствием отца, чтобы заявить матери:

– Я вам не осел! Только осел проводит всю свою жизнь, таская тяжести.

– Но что ты будешь делать?

– Я знаю, что буду делать.

Мой отец напомнил мне несколько истин во время обеда:

– Здесь бесплатно никого не кормят. Если ты не будешь оплачивать свою долю, то больше не сможешь жить здесь. Тебе это ясно?

Я ответил, опустив голову:

– Согласен.

А про себя я думал: «А ты сам? Разве ты работаешь? Разве не мать зарабатывает всем на жизнь? Разве не она продает овощи на базаре Тренкат?»

Я оставил мастерскую горшечника и купил небольшой ящик чистильщика обуви. Я обходил кофейни и бары. Собирал окурки. Допивал из стаканов и доедал объедки, оставленные на столах посетителями. Я был плохим чистильщиком обуви. Клиенты были недовольны. Я пытался быть таким же проворным, как настоящие профессионалы своего дела, но очень часто щетка падала у меня из рук. Надо мной смеялись, а еще мне завидовали. Я дрался с другими чистильщиками обуви. Я подружился с одним продавцом газет, который, судя по всему, был моим ровесником. Я бро-

сил ящик чистильщика и принялся продавать газету «Диаро де Африка»⁹.

⁹ Испаноязычная газета, которая в период протектората издавалась в Марокко с 1945 по 1962 год.

Глава 3

Мы переехали. Я помогал матери на базаре. Я кричал покупателям-испанцам:

Vamos a tirar la casa por la ventana

Quien lliega tarde no come carne

Debalde, debalde vendo hoy

Каждый вечер я крал у матери немного денег, чтобы купить себе маджун и киф, чтобы сходить в кафе, а иногда и в кино. Как-то раз я встретил одного приятеля. Его звали Таферсети. Он был грустным:

– У меня умер дядя, – сказал он мне.

– Бедняга!

– Он убил жену и троих детей, а потом и на себя руки наложил.

– Но как? Почему?

– Они несколько дней ничего не ели. Он не хотел идти по-прошайничать, не хотел ничего просить у соседей. Тогда он замуровался в доме, заложил дверь кирпичом, и все умерли.

– Да смилуется над ними Аллах!

Мы купили у одного бакалейщика-еврея полбутылки водки и выпили ее на скале горы Дерса. Потом решили пойти в бордель.

Госпожа Харруда, известная среди парней своей способностью приобщения к сексу, сказала нам:

– Вы оба выпили, не так ли?

– Да, так. Но ты такая красивая, и мы тебя хотим.

Таферсети взглянул на меня. Я убеждал Харруду:

– Мы выпили совсем каплю. Мы навеселе и просто хотим переспать с тобой.

Она взглянула на нас, улыбаясь, Мы боялись, что она нам откажет. А она произнесла:

– Ну что же! Кто хочет начать?

Приятель сказал мне:

– Давай, иди ты первый, пожалуйста.

Харруда потребовала заплатить ей вперед. Это было естественно. Она продавала свое тело, а мы его покупали. Она разделась. Не выпуская сигарету изо рта. Дым заставлял ее закрывать глаза. Губы у нее были ярко-красные и очень мясистые. Она приказала мне:

– Открой рот.

Мне стало страшно. Она вложила свою сигарету в мой полукрытый рот. Она улыбалась. Повернувшись ко мне спиной, она попросила меня снять с нее бюстгальтер. На ее спине мои руки ощутили легкий пушок. Это возбуждало меня. Она повернулась ко мне, держа в руках свои груди. Взяла у меня сигарету. Я улыбнулся ей, чтобы развеять страх. Ее голое тело пугало. Я подумал: она устроила себе пепельницу из моего рта!

– Кури, – сказала мне она.

Я, дрожа, взял сигарету.

– Раздевайся. Почему ты боишься?

Член мой встал. Я с колотящимся сердцем стал снимать одежду. Асия. Фатима. Их тела не внушали мне этого чувства страха. Мы касались друг друга нежно и легко. Это был флирт. Ничего серьезного. Ничего особенного. В то время как эта женщина нагоняла на меня страх: она предлагала мне войти в нее, войти в ее плоть, как нож входит в рану. Она легла на кровать и раздвинула ноги. На ее «штучке» не было волосков. Она у нее была такой же гладкой, как и у моей соседки Муны. Она взяла в свою руку мой восставший член. Внезапно мне подумалось: а что, если у этой «раны» есть зубы! Я боязливо скользнул между ее ляжек. Она обхватила меня своими ногами и очень сильно прижала к себе, нажимая пятками на мои небольшие ягодицы. Ей это давалось нелегко. Она сказала мне раздраженно:

– Ты пока еще не умеешь входить в женщину.

Я не знал, что и ответить. Я думал о собаках, которые занимаются любовью и не могут больше оторваться друг от друга. Ее «рана» была сухой. Она отпихнула меня, смочила свои пальцы слюной и поднесла их к своему нижнему «рту».

– Ну, теперь давай...

Я заколебался.

– Что с тобой? Давай, суй, а если нет, то освободи место.

Ну, давай же!

Я снова подумал, в что если у этого нижнего «рта» есть

зубы...

Она изменила тон.

– Не бойся. Я тебя не съем. Ты красивый. Давай, войди в меня.

Мне удалось воткнуться в ее рану. Настоящий рот, полный слюны и пены.

– Нет! Не так. Ой! Ой! Ты наверняка в первый раз спишь с женщиной, не трогай меня там...

Я хотел сказать ей, что мне случилось играть с моими подругами из квартала. Я снова вошел в нее. Я хотел поцеловать ее, она сжала губы и подставила мне щеку. Грудь ее ускользала от меня. Харруда была как рыба. Она убрала мою руку, когда я положил ее ей на грудь. Я ненавидел эту женщину. Я ненавидел всех женщин такого рода.

– Нет, – кричала она, – Нет. Я же не из пластилина. Ты еще слишком молод, чтоб проделывать такие штуки с женщинами.

Я подумал о Фатиме. Она красивее, любезней. Она не только дала мне свой рот, но и позволила мне ласкать ее грудь. Этот особого рода массаж длился не слишком долго.

– Иди, конец!

Она оттолкнула меня. Я вытащил свой член, на головке осталось несколько капель спермы.

– О, – сказала она, – ты мне всю кровать перепачкаешь. Погоди, я тебе сейчас покажу, как надо выходить.

Она вытерла свою «рану» тряпкой. Ее зад возбуждал ме-

ня. Я подумал: «Да, это правда! Она настоящий специалист по сексу. Но жаль, что она слишком много жалуется».

– Ты только что в первый раз переспал с женщиной. Ведь я у тебя первая, не так ли?

Я, улыбаясь, кивнул.

– Ты всегда будешь думать про этот первый раз. И будешь думать обо мне. Ты меня не забудешь.

Я улыбнулся. Она размякла. Мой член все еще был возбужден. Начать все сначала. Снова положить мой беловатый яд в ее зияющую рану.

– Все, уходи. Мойся скорей и уходи. Твой приятель ждет своей очереди.

Я натянул штаны. Мне все еще хотелось, желание не прошло. Мой пенис обмяк и сник.

Таферсети спросил меня с беспокойством:

– Ну как она?

– Отлично. Без зубов.

– Как? Она что, беззубая?

– Нет, я же не о рте ее говорю. Я имею в виду, что дырка ее не кусается. Она принимает тебя, сжимает, втягивает тебя в себя и высасывает, но не кусает. Да ты сам все увидишь. Там тепло и мягко.

Мы услышали голос Харруды:

– Ну где ты там....?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.